

Большая игра накануне большой войны

Моей маме было шесть лет, но она навсегда запомнила этот день.

«22 июня 1941 года папа, несмотря на воскресенье, с утра пораньше уехал на работу, – вспоминает Ирина Млечина. На недоуменные вопросы мама ответила:

«Папа оказался прав. Сегодня ночью началась война».

Оказался прав? Что она имела в виду?

Владимир Михайлович Млечин в январе 1941 года возглавил Театр революции (ныне театр имени Вл. Маяковского). Весной труппа отправилась на гастроли в Сочи. Актеры взяли с собой семьи. Ирина Млечина: «Я впервые увидела бескрайнее море, сверкающее на солнце, широкие пляжи, покрытые галькой и песком, множество веселых загорелых людей... Гастроли театра закончились, и труппа уехала в Москву, а с ней, конечно, и отец. Семью он оставил на юге: пусть еще подышат морским воздухом. И вдруг пришла телеграмма-«молния» от папы.

В ней говорилось: СРОЧНО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ МОСКВУ.

Что могло случиться? Папа заболел? Побежали на междугороднюю телефонную станцию, но дозвониться не удалось. Не откладывая, отправились покупать железнодорожные билеты. Через два дня были дома. На вопросы дочери отец отвечал с улыбкой: «По тебе соскучился, вот и вызвал вас».

Но вечером она услышала разговор родителей, из которого шестилетняя девочка поняла только, что отец прочитал в газете «опровержение ТАСС», в котором говорилось, что слухи о готовящейся войне с Германией являются ложью и провокацией, и сразу понял, что война будет, и очень скоро. Испугавшись за семью (если война действительно начнется, нерасторопная мама не сможет купить билеты), он решил немедленно вернуть их в Москву. Так мой дедушка спас свою дочь и жену.

Речь идет о заявлении ТАСС от 14 июня 1941 года – за неделю до нападения нацистской Германии. Сталин и Молотов до последней минуты были уверены, что Гитлер блефует и пытается заставить их пойти на какие-то уступки. Подготовили заявление ТАСС, в котором говорилось, что слухи о якобы готовящейся войне между Германией и Россией – маневры враждебных сил:

«По этим слухам:

1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними;

2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР;

3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны...

Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Заявление ТАСС появилось не случайно.

Немецкий посол в Москве граф Фридрих Вернер фон Шуленбург – в отличие от Гитлера – понимал мощь Советского Союза и пытался избежать войны, которая приведет к разгрому Германии. В апреле сорок первого он вылетел домой, чтобы попасть на прием к фюреру. Предварительно отправил в Берлин личное послание, в котором предупреждал об опасности нападения на СССР. Гитлер, уклонившись от разговора, сказал: «Я не собираюсь воевать с Россией!»

30 апреля посол Шуленбург вернулся в Москву. В аэропорту его встречал советник посольства Густав Хильгер. Шуленбург сказал ему:

– Война с Россией – решенное дело!

– Почему вы так считаете, – удивился Хильгер, – если сам Гитлер сказал, что воевать не собирается?

Посол знал своего фюрера:

– Он мне просто соврал.

Шуленбург подумал: а что если устроить переговоры между Москвой и Берлином? Заставить Гитлера заняться дипломатией и приостановить подготовку к войне? «Мир можно спасти, если уговорить советское руководство проявить дипломатическую инициативу и вовлечь Гитлера в переговоры, которые лишили бы его предлога для военных действий против Советского Союза, – считал Густав Хильгер. – Советский посол в Берлине Деканозов как раз в это время находился в Москве. Решили, что нам нужно связаться с ним и открыть ему глаза».

Владимир Георгиевич Деканозов считался у немцев очень влиятельным человеком. Они полагали, что советский посол чуть ли не личный друг самого Сталина. Немцы ошибались. Своей карьерой он был обязан не Сталину, а Берии.

5 мая 1941 года Шуленбург пригласил находившегося в тот момент в Москве Деканозова на завтрак. Шуленбург втолковывал Деканозову, что советское правительство недооценивает опасность войны. Деканозов доложил Молотову: «По мнению Шуленбурга, слухи о предстоящей войне Советского Союза с Германией являются «взрывчатым веществом» и их надо пресечь... Шуленбург несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи».

9 мая состоялась вторая беседа. «По мнению Шуленбурга, – доложил в Политбюро Деканозов, – Сталин мог бы обратиться с письмами к руководящим политическим деятелям дружественных СССР стран, например к Мацуока, Муссолини и Гитлеру. В письме Гитлеру могло быть сказано, что до Сталина дошли сведения о

слухах по поводу якобы имеющегося обострения советско-германских отношений и даже возможности конфликта. Для противодействия этим слухам Сталин предлагает издать совместное коммюнике. На это последовал бы ответ фюрера, и вопрос, по мнению Шуленбурга, был бы разрешен».

Третья встреча двух послов прошла 12 мая. Накануне Молотов сам – от руки! – написал Деканозову инструкции для новой беседы. «Я говорил с товарищем Сталиным и товарищем Молотовым, – сказал советский посол Шуленбургу, – насчет предложения об обмене письмами в связи с необходимостью ликвидировать слухи об ухудшении отношений между СССР и Германией. И Сталин, и Молотов в принципе не возражают... Так как срок моего пребывания в СССР истек и сегодня я должен выехать в Германию, то Сталин считает, что Шуленбургу следовало бы договориться с Молотовым о содержании и тексте писем».

Но Шуленбург ответил Деканозову, что «не может продолжить эти переговоры с Молотовым, так как не имеет поручения от своего правительства. Было бы хорошо, чтобы Сталин сам от себя спонтанно обратился с письмом к Гитлеру». Деканозов недоумевал: отчего Шуленбург утратил интерес к своей же идее? А немецкий посол пришел к выводу, что в Москве его не поняли. И не верят, что война вот-вот начнется.

Месяц спустя Сталин и Молотов подготовили заявление ТАСС. Рассчитывали на ответную реакцию Гитлера, надеялись, что он подтвердит, что у него нет претензий к Советскому Союзу, и это снимет напряжение. Но Берлин молчал.

Имперский министр народного образования и пропаганды Йозеф Геббельс записал в дневнике: «Вчера ТАСС опроверг в самой резкой форме то, что Россия концентрирует войска на западной границе. Итак, у Сталина – неприкрытый страх».

Когда генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров получил по своим каналам очередное предупреждение о готовящемся нападении немцев, он позвонил Молотову. Нарком иностранных дел, несколько раздраженный вмешательством не очень сведущего человека, ответил: «Да, положение сложное, но

вы всего не знаете: идет большая игра».

Разговор состоялся 21 июня – Георгий Димитров вел дневник. За несколько часов до начала войны Сталин и Молотов все еще надеялись переиграть Гитлера! Сталин полагал, что фюрер так же холоден и расчетлив, как и он сам, и не станет рисковать, поставив на кон все достигнутое во имя нереальной цели – покорения Советского Союза. И если бы Гитлер был способен рационально мыслить, он не решился бы начать войну с СССР, войну, которую Германия не могла выиграть. Но Гитлер был безумцем! Вся его политика была сплошной авантюрой! Просто до поры до времени ему невероятно везло...

Победа летом 1940 года далась вермахту на диво легко. Одним ударом Германия вывела из игры Францию, Бельгию и Нидерланды. Британия была вытеснена с континента. Немецкие генералы поверили, что способны одолеть и Советский Союз за несколько месяцев. Они не понимали ни силы Красной Армии, ни стойкости нашего народа.

«В коридоре нашей коммунальной квартиры было почти пусто, все сидели по комнатам и слушали радио, – вспоминает первый день войны моя мама. – У нас тоже был приемник. Спереди он был обит серой тканью, а с боков – деревянный. Мы стали крутить какую-то штучку, но из приемника доносилось только шипение и нечленораздельные звуки. Зато было все прекрасно слышно из соседней комнаты, где висела обыкновенная «тарелка».

Вот итог войны для Германии, которая 22 июня 1941 года напала на нашу страну.

Одиннадцать миллионов солдат вермахта, которые выжили, оказались в лагерях военнопленных. Четырнадцать миллионов немцев победители изгнали с Востока.

При этом больше полутора миллионов погибли.

Уцелевшим негде было жить – города разрушены бомбардировками и артиллерийскими обстрелами. Берлин лежал в развалинах. Немцы умирали от холода и голода. Германии в сорок пятом больше не существовало.

Но какой же дорогой ценой далась Победа!

Леонид Млечин